

КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ

Во время череповецких гастролей Вологодского государственного драматического театра сделал я для себя, по крайней мере, два открытия. Казалось бы, хорошо знакомый коллектив вдруг предстал в каком-то новом свете, в новом качестве — это было первое открытие. А второе — череповецкий зритель. Вот уж никак не думал, что в городе, в котором нет театра, такой театрально образованный, такой театрально информированный, такой взыскательный и эстетически строгий зритель.

Не надо думать, что все показанное театром безоговорочно хорошо. Сказав так, я оказал бы коллективу дурную услугу. Да и есть ли такой театр, в котором все бывает бесспорным?

Вот, например, «Западня» Э. Володарского, поставленная режиссером Н. Скуртом. Достаточно иллюстративная пьеса решается режиссером и актерами остро драматически, даже трагедийно. Театр активно преодолевает слабости пьесы. Режиссер и актеры пытаются наполнить своих героев живыми человеческими чувствами и страстями, они создают порой непростые, неоднозначные характеры. Ярче других, полнее и полнокровнее делает это, пожалуй, народный артист РСФСР А. Семенов в роли Маклакова. Его герой страшен и всей своей нечистой жизнью и еще больше — своей подлой философией. И тем весомей жизненная расплата — последний звериный крик Маклакова, убившего собственного сына, — эта трагическая нота будоражит душу.

И все же в спектакле осталось много иллюстративных «дыр». Не все актеры смогли наполнить своих персонажей живой характерностью, многие играют вообще кого-то, без примет и качеств.

Примитивны декорации. Еще более примитивна музыка, совершенно случайная, никак не отвечающая характеру и духу спектакля, служащая, по моему, лишь своеобразной «затычкой» во время перестановки декорации.

Эти досадные недочеты помешали спектаклю стать более цельным и художественно убедительным. Несмотря на активные усилия режиссера и актеров (что и делает спектакль привлекательным), пре-

одолеть до конца иллюстративность драматургического материала не удалось.

Та же активность режиссерской позиции превращает несколько салонный литературный материал пьесы О. Бальзака «Мачеха» в источник серьезных размышлений о фальшивых и лицемерных нравах буржуазного высшего общества. Не скажу, что спектакль, подобно великому романисту в его лучших произведениях, глубоко и тонко анализирует души героев. Спектакль все же движет интрига и главный интерес зрителя к ней — «а чем же все это кончится?». Но за интригой режиссер заслуженный деятель искусств Казахской ССР А. Карпов и актеры сумели увидеть живых людей, страдающих, любящих, ненавидящих, мучающихся. В них веришь и сочувствуешь им.

го контакта между детьми и сценой давно я не видел.

Да, вот эта способность театра к постоянной и полной самоотдаче поражает. Разумеется, такая самоотдача построена не на голом энтузиазме. Она покоится на твердом фундаменте большой постановочной культуры, режиссерского и актерского профессионализма, на постоянном стремлении оригинально «увидеть» спектакль и ярко, самобытно его реализовать. На этом, самом трудном пути, который избрал для себя театр, может быть все — и успех и поражение. Не может быть только посредственности. Я такого не помню.

По самой сути своей путь, в том числе и творческий, это движение, т. е. поиск. А поиск не может быть ordinарным.

В рамках именно такого поиска — «Дон Карлос» Ф. Шил-

ля. В лучшем понимании этого слова. Все заражены идеей режиссера, все понимают свои задачи, каждый отдает роли все, что может.

Но даже на этом высоком актерском фоне выделяется работа неожиданно ушедшей из жизни народной артистки РСФСР М. Щуко. Трудно найти слова, адекватные игре актрисы. Роль эта не поддается анализу — так все в ней спаяно, пригнано, отлажено и в то же время так все стихийно, экспромтно, до озноба органично. Роль эта, как глубокий вздох, в котором все — страдание, радость, мука, просветление, любовь и многое другое, что есть жизнь и что никакими словами не выразишь. Образ умирающей старухи западает в душу безраздельно, навсегда, как какое-то детское воспоминание, которое никогда не забудешь. Всегда буду помнить глаза старухи, сидящей с опущенными босыми ногами на кровати. В них была — бездна. Казалось, что там какая-то тайна, ведомая только одной этой старой женщине, которая все уже повидала, все поняла и сейчас узнала что-то самое последнее и сокровенное, отчего вся жизнь ее наполнилась совсем иным смыслом и значением. Она хочет нам передать это, но уже не может. А на самом дне этих глаз-колодезев таился сумрак какой-то иной жизни, где все уже прожито, все уже пройдено и где у входа в нее тихо сияют три слова, выстраданные и завещанные нам большой актрисой: любовь, добро, мудрость.

Актриса получила за эту работу Государственную премию РСФСР. Заслуженная награда. Но, право же, и весь спектакль достоин самой высокой оценки. Спектакль, зовущий к любви и человечности.

Вологодский театр и в очень хороших и в не самых лучших спектаклях еще раз доказал свою профессиональную, художественную и гражданскую зрелость. Он показал, что ему под силу самое сложное в искусстве. А солидный возраст — 130 лет — совсем не мешает ему искать, беспокоиться, иногда ошибаться, но опять искать и находить то, что так нужно современному зрителю. И играть, как в первый раз!

П. АРКАДЬЕВ,
театровед.

г. Москва.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Прекрасный артист А. Семенов, о котором я уже говорил, давно и неплохо выступает в совсем иной роли — режиссера. Он накопил, в частности, большой опыт в постановке спектакля для детей — искусство, быть может, одно из самых трудных. На моей памяти немало его спектаклей, особенно сказок. Непростой этот жанр таит в себе много трудностей.

В «Одолень-траве» В. Любимовой, может быть, не самым лучшим спектакле Семенова (я помню его «Кота в сапогах» — вот чудо), все же присутствуют качества, характерные для Семенова-режиссера: поэтичность, лиризм, умение за сказочным увидеть сегодняшнее, близкое детям. В спектакле хочется отметить многих артистов, создавших живые человеческие (и сказочные все же) характеры: Л. Филиппову (Марфинька), С. Улыбину (Егорushка), А. Гичко (Тугарин-царь), актер, обладающий незаурядными данными и ставший в театре классическим исполнителем всяких царей и королей, С. Трубину (Зобенда), А. Леонович (Дугме) и другие. Хороший, добрый спектакль, в котором был и отдача и заразительность. А уж как реагировал зал и выразить трудно: тако-

лора, поставленный главным режиссером театра заслуженным артистом РСФСР В. Дроздовым. Страстный поиск истины, справедливости, на пути к которым не жаль и жизнь отдать — об этом, мне кажется, задуман спектакль. Мысль эта заявлена масштабно, широко, чему не в малой степени способствуют и декорации художника А. Пантелеева, которые будучи вполне функциональны, достаточно образно передают характер и дух средневековой Испании. Удачно найденный музыкальный лейтмотив также помогает восприятию атмосферы той далекой эпохи. В спектакле есть многое, что делает его интересным, фундаментальным по мысли и ярким, своеобразным по воплощению идей постановщика.

Совершенно иной спектакль — «Последний срок» В. Распутина — объединяет с предыдущим серьезность замысла, большая постановочная культура. Он оставляет сильное и глубокое ощущение. Самое главное в нем, по моему, единство режиссерского, художнического (режиссер М. Резцов) замысла и уровень воплощения. Редкое качество.

Трудно выделить в спектакле кого-то одного. Не частый случай ансамблевого спектак-